

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Л. Осмысление творческого наследия Ф. М. Достоевского в произведениях Л. Д. Зиновьевой-Аннибал //

Litera. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.1.72608 EDN: AAUSXM URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72608

Осмысление творческого наследия Ф. М. Достоевского в произведениях Л. Д. Зиновьевой-Аннибал

Ван Люян

аспирант; Кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса
(Филологический факультет); МГУ

119234, Россия, г. Ленинские Горы, ул. Лебедева, 1

✉ w.liuyang@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.1.72608

EDN:

AAUSXM

Дата направления статьи в редакцию:

06-12-2024

Дата публикации:

19-01-2025

Аннотация: Статья посвящена осмыслению философских, эстетических и нравственных идей в последующей литературе на примере творчества Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. Особое внимание уделяется теме детства и воспроизведению страданий детей с учетом уникального подхода писателя к изображению трагических конфликтов. В статье анализируются произведения Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, у которой детство предстает в необычном, часто противоречивом свете. Отмечено сходство подходов Достоевского и Зиновьевой-Аннибал к изображению детского самосознания, детской жестокости и фантазий. Произведения Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, написанные в годы революционных событий 1905–1907 годов, также отмечены влиянием Достоевского, его пониманием способов построения будущего справедливого общества. В связи с этим на первый план выдвинуты вопросы свободы, преодоления индивидуализма, трагические последствия

революционного насилия. В этой работе использованы биографический, интертекстуальный, сравнительный, исторический методы, герменевтический и еще имманентный анализ. В центре оказываются рассказы «Помогите вы!» и «За решётку», в которых обнажены внутренние противоречиями героев, показан раскол личности и утрата самоидентификации, что подтверждается установлением мотива внутреннего конфликта героя, схожего с Раскольниковым, для которого внешнее наказание является лишь отражением разрушения его внутреннего мира. Новизна статьи заключается в том, что воплощение идейного наследия Достоевского в творчестве Л. Д. Зиновьевой-Аннибал изучается комплексно с опорой на анализ образа ребенка и образа «подпольного человека». В результате исследования обнаружено, что принципы поэтики Достоевского лежат в основе интерпретации духовного мира героев произведений Зиновьевой-Аннибал, что, несомненно, возникло в ходе обсуждений с мужем, В.И. Ивановым, идейно-смыслового содержания произведений Достоевского, который для поэта-символиста был знаковой фигурой русской духовной жизни.

Ключевые слова:

Ф. М. Достоевский, образ детства, подпольный человек, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, Вяч. Иванов, Русская писательница, Нет, преодоление индивидуализма, Трагический зверинец, Преступление и наказание

Творчество Ф. М. Достоевского питалось русской и зарубежной литературой его предшественников и современников. В то же время оно оказало и продолжает оказывать огромное влияние на всю последующую литературу. Содержание социальной критики Достоевского, его философские, эстетические и нравственные идеи занимают важное место в истории русской и мировой литературы, создавая поле особого эмоционального напряжения, того, что именуют «фантастическим реализмом». Достоевский всегда ставит своих героев в экстремальные ситуации. В таких ситуациях герой, наделенный беспокойным сознанием, вынужден принимать окончательные, роковые решения, которые будут иметь последствия для него самого и окружающих его людей. И последствия этих решений чаще всего разрушительны. Эта структура обнажает философскую и социально-психологическую проблемы буржуазного индивидуализма и нередко тщетность попыток его преодоления. Кроме того, катастрофизм бытия как формы существования ощущался писателем необычайно остро. Его чувствительность к трагическим сторонам жизни, сочувствие к «униженным и оскорбленным» помогли ему запечатлеть противоречивые черты своего времени, ранящие трепетные души, оставляющие тяжелую память о себе.

Конец XIX - начало XX века стали временем трагических испытаний для России. В это время творчество Достоевского приобретает особую актуальность в связи с появлением и пропагандой радикальных способов избавления от зла. Религиозные воззрения Достоевского приобретают особую остроту. Религиозными обновленцами его идеи трактуются различно. В дионисийском ключе рассматривал их Вяч. Иванов: «Достоевский ... подобно древнейшим трагикам Греции, остался верен духу Диониса. Он не обольщался оптимистической мыслью, что добру можно научить доказательствами и что правильное понимание вещей, само собою, делает человека добрым. Он повторял, как обаянный Дионисом: Ищите восторга и исступления, землю целуйте, прозрите и ощутите, что каждый за всех и за все виноват, и радостью такого восторга и постижения спасетесь; истинно, только так исцелитесь» [1. С. 503].

Не менее важны оказываются и открытия писателя в области поэтики текста. Так, Вяч. Иванов анализирует его прозу в плане проявления в ней трагического начала, предлагая использовать термин «роман-трагедия». Он замечает: «Всякая, в том числе античная, трагедия по своему смыслу сближалась с религиозной мистерией» [2. С. 6].

Будучи писательницей символистского литературного кружка, Зиновьева-Аннибал была также женой и музой поэта и теоретика символизма Вяч. Иванова. Вяч. Иванов в статье «Новые маски», явившейся комментарием и предисловием к пьесе «Кольца» Зиновьевой-Аннибал упомянул имя Достоевского: «Нам, воспитавшимся на идеях Достоевского о круговой поруке всего живущего как грешного единым грехом и страдающего единым страданием, на идеях Шопенгауэра о мировой солидарности, — на этих прозрениях в таинство всемирного распятия (по слову Гартмана) и в нравственный закон сострадания как сораспания вселенского, — трагическая Муза говорит всегда о целом и всеобщем, являет своих героев в аспекте извечной жертвы и осиявает частный образ космического мученичества священным литургическим венцом» [3. С. 27]. С одной стороны, как и большинство авторов и читателей, она находилась под явным влиянием философских и нравственных идей Достоевского и его предшественников в период идейных и духовных потрясений в обществе, а с другой — она и ее муж Иванов суммировали свои индивидуальные творческие и эстетические поиски в совместном жизненном порыве и творчестве. Тема преодоления индивидуализма и обретение смысла жизненной трагедии выражены в произведениях Зиновьевой-Аннибал в разных формах.

Среди персонажей, возникающих на страницах произведений Достоевского, от аристократов до бедняков, есть люди различных характеров. И везде автор стремился выразить «всю неупорядоченность, хаос <...> существования и сложность <...> духовных переживаний» [4, с. 9]. Но особую группу среди них представляют дети, беззащитные и невинные, испытывающие социальный гнет и страдающие от семейного насилия. Почти в каждом произведении писателя есть фигура ребенка. Обычно это ребенок на пороге взросления, уже способный осознать те бедствия, которые грядут... (Неточка в «Неточке Незвановой», 1849; Нелли в «Униженных и оскорбленных», 1861; Аркадий в «Подростке», 1874; Илюша в «Братьях Карамазовых», 1880). Образы детей у Достоевского сложны, многообразны и разноплановы. Но их страдание — почти всегда в центре внимания писателя. И оно вызывает обостренность их восприятия, учит особому поведению. Это. Конечно, связано с выработанной им концепцией страдающего сознания, возникающего из-за ущемленности, приниженности, внутреннего рабства. В «Записках из подполья» прямо написано: «страдание — да ведь это единственная причина сознания» [5. С. 119]. Уже в дебютной повести «Бедные люди» появились слабые, больные и беспомощные дети. В комнате одного из второстепенных героев произведения, чиновника Горшкова всегда «тихо и смирно, словно и не живёт никто. Даже детей не слышно. И не бывает этого, чтобы когда-нибудь порезвились, поиграли дети» [6. С. 24]. Старший сын, девяти лет, умер, потому что не было денег на лечение (бесконечно тянется тяжба его отца в суде). И вот младшая шестилетняя девочка «стоит, прислонившись к гробу, да такая, бедняжка, скучная, задумчивая! ... Кукла какая-то из тряпок на полу возле нее лежит, — не играет; на губах пальчик держит; стоит себе — не пошевелится. Ей хозяйка конфетку дала; взяла, а не ела» [6. С. 50].

Конечно, образы несчастных детей многочисленны в литературе XIX века, но именно «комплекс» идей Достоевского был важен для Зиновьевой-Аннибал. Об этом пишет Е. В. Харитонова: «Существенное влияние на становление концепции детства Л. Д. Зиновьевой-Аннибал оказал опыт изображения ребенка в творчестве Ф.М. Достоевского, чей художественный мир был наиболее близок (в первую очередь, психологической

манерой письма) писательнице» [7. С.12]. Возможно, здесь сыграли свою роль и биографические обстоятельства (Зиновьева-Аннибал потеряла первого ребенка в браке с Вяч. Ивановым – дочь Елену). В письме к отцу Зиновьева-Аннибал упоминает о безвременной кончине дочери: «Дорогой мой папочка, очень горько мне говорить тебе тяжелую мою потерю. Моя маленькая, ненаглядная Елена скончалась на 11-й неделе своей жизни от разрыва сердца. Она была здоровенькая и счастливая девочка, и теперь наша семья в глубокой тоске, я же не знаю, что сказать о себе. Я любила это маленькое существо дороже жизни. Надо покориться воле Вышней, и я покоряюсь. Не тоскуй и ты за меня, а помолись, мой дорогой отец» [8. С. 643]. И скорее всего в стихотворении в прозе «Тени сна» изобразила ее уход: «Ребенок на моих руках. Удушье ломит его грудь. Глаза его закруглились. Стекланный взгляд изумился муке. Ребенок умирает и изумился непонятной муке...» [9. С. 400]. И сразу бросается в глаза разница между художественным воплощением ужаса угасания младенца и информативным «отчетом» в письме.

М. Эпштейн и Е. Юкина обратили внимание на противоречивость детских характеров в творчестве Достоевского: «У Достоевского же дети чисты какою-то особою, неповторимою чистотою, но и жестоки своею нерассуждающей жестокостью.... Ребенок у Достоевского – и традиционный христианский символ святости, и существо демоническое, готовое попать все христианские святыни. В нем абсолютнее, чем во взрослом, выражены полюса человеческой нравственности – божественное и сатанинское» [10. С. 247]. Это противоречие воспроизводит и Зиновьева-Аннибал. В цикле рассказов «Трагический зверинец» его главная героиня Вера обладает даже более негативными чертами, чем маленькие герои Достоевского. Она лжет, ворует, бунтует и предается эротическим играм. М. В. Михайлова заметила, что у Зиновьевой-Аннибал, ребенок «предстал не невинным Агнцем, не сосудом непорочности и невинности, а существом, буквально сотрясаемым в конвульсиях зла и греха. Но "буйность и бурность" детской души были даны Зиновьевой-Аннибал в сочетании с "глубокой способностью к умирению и чистой радости"» [11]. И по мнению процитированного литературоведа, в цикле «Трагический зверинец» за маской ребенка скрыт автор.

Действительно, в этом произведении писательницы граница между взрослым и детским «я» нечеткая. В репликах Веры мы слышим голос Зиновьевой-Аннибал. Писательница создавала эти рассказы, опираясь на собственную биографию, делая акцент на детской психологии, реакции ребенка на мир. Это ей тоже было подсказано Достоевским, который углубленно исследовал детскую психологию. Изображение детей у Зиновьевой-Аннибал имеет схожие черты.

Ключевые принципы поэтики Достоевского -- акцент на «внутреннем человеке» и использование психологических форм описания -- составляют важную основу для творчества Зиновьевой-Аннибал в изображении внутреннего мира ее героев.

Вера борется с выбором между добром и злом, между любовью и ненавистью, когда грань между ними меркнет и теряет свою меру. В рассказе «Волк» Вера видит, как на волка жестоко охотятся люди, и в муках трагедии пытается понять законы природы, которые ей объясняет Федор: «Все друг друга жрут, это уж так положено <...> И какая есть зверюшка неприметная и тихонькая видом, а кого-нибудь да жрет. Это оттого, что, если не жрать, так с голоду помрешь. Даже и травка и то другую травку душит. Так положено. То же и человек. Только зверь зря жрет, а человеку Богом открыто, какое чисто небо, а какое поганое...» [9. С.68]. В рассказе «Чудовище» Вера принесла из болота несколько лягушачьих яиц и положила их в банку. Но в банке тоже есть

«Чудовище», и Вера с точки зрения зрителя становится свидетелем гибели головастика в мире банки в результате ее потакания хищничеству чудовища. Когда она оказывается в ситуации естественного закона дарвиновского отбора, в её душе начинается борьба, и она погружается в хаос свободы выбора. Головастики день за днём исчезают: «толстели и вырастали мои головастики, но редело непонятно их стадо...И вот в третий раз я его увидела и сначала не поняла. Уже с треть моего мизинца, оно казалось огромным. Плоское, жесткое тело выгнуло звенчатую спину круто вверх, опустило книзу колом свой сильный хвост, и, полощась о тот жесткий хвост, обивался другой хвост, и нежная кисея его раздиралась лохмотьями. Тогда я увидела и голову, и клешни. Жирную, глупую, неуклюжую голову головастики в жестких, сильных, пронзительных клешнях чудовища. И поняла <...> Черное тельце-голова серело, становилось более и более цветом схожее с нежно-серым хвостом, в объеме утончалось, и ободранный хвостик дрожал слабее... перестал дрожать вовсе. Ко дну банки медленно опускалась серая пленка... Уже всего тринадцать оставалось головастика, и ничего, кроме них и чудовища живого, не оставалось в болотной мути» [\[9, С.90, 94\]](#). Вера испытывает противоречивые эмоции по отношению к головастикам и чудовищам. Она переживает внутреннюю борьбу: «Я полюбила чудовище. Оно казалось мне в панцирь одетым. И в беззвучной мути болотной воды, где толпились и толкались зря мягкотелые, бестолковые, совершенно беззащитные головастики, оно одно, четкое, сильное стремительное, – властвовало безусловно над жизнями. И питалось, властвуя. И я презирала головастика. Бегала, впрочем, на реку и к пруду. Подолгу, присев на корточки, заглядывала в воду. Подумывала туда его выплеснуть. Это чтобы не видеть дальше и чтобы хоть тех тринадцать хвостатых лягушат помиловать» [\[9, С. 94\]](#). Перед Верой встал сложный выбор: «Убить чудовище» или «спасти ручного мягкого лягушонка» [\[9, С. 96\]](#)? Борьба продолжается, Вера «ходила злая, нетерпеливая. Сердце замучилось. Любила и ненавидела чудовище. Нет, ненавидела чудовище. Так и спать пошла, не решившись» [\[9, С.96\]](#). В конце концов, однажды утром исчезла и единственная оставшаяся лягушка. Чудовище в банке тоже убито Верой. Экология болота в банке у Веры заканчивается, а в природном болоте все продолжается. По мнению М. В. Михайловой, ближе всего к идеям Достоевского у Зиновьевой-Аннибал были мысли о «той последней, невообразимой свободе духа, к которой всегда будет устремлен человек, и о том «великом хаосе свободы», в который ввергается мир, лишенный божеских установлений, и человек, не совладавший с волей и не справившийся со свободой выбора» [\[12, С. 18\]](#).

Но не только исследование феномена детства сближает Зиновьеву-Аннибал с Достоевским. Пиком ее творческой деятельности стали годы Первой русской революции, когда Россия переживала драматические события, которым предшествовал проигрыш в русско-японской войне. Многие воспринимали происходящее как преддверие масштабной катастрофы, ждать которую уже недолго. Вопросы свободы и преодоления индивидуализма оказываются в центре духовных поисков интеллигенции. Интенсивно обсуждаются эти проблемы на «Башне» Вяч. Иванова. В 1906 году Зиновьева-Аннибал написала и опубликовала несколько рассказов на эти острые темы. Готовя ее посмертный сборник, Иванов объединил их под названием «Нет».

Героем рассказа «Помогите вы!» Зиновьева-Аннибал сделала психически больного революционера, который полностью погрузился в свои галлюцинации. Он считает свои фантазии единственной «реальностью». Сначала он воспринимает себя как террориста, совершающего акты возмездия. Вполне возможно, что перед внутренним взором писательницы возникал реальный человек – Иван Каляев, убивший Московского губернатора Сергея Александровича. При убийстве, как известно, никто не пострадал.

Но ее герою кажется, что при осуществленном им взрыве погиб не только враг, но пострадали и невинные люди. Вот Его внутренний монолог: «Я был революционером. Бросал бомбы. Убивал виновных и невинных. Над первыми я был судьей. А вторые так себе попались... Это было весело и жутко... до того, что... до тошноты, до приторной тошноты! Как кровь. Как кровь...» [\[9, С.176\]](#). Известно, что в литературе образы безумцев часто используются, чтобы показать их нормальность по сравнению с ненормальностью установленного общественного порядка. Но Зиновьева-Аннибал действует не так. Ее герой действительно безумен. Но его безумие – следствие перехода границ человечности. У Достоевского герои балансируют на грани. Его подпольный человек, муж Кроткой, Федор Кармазов наслаждаются, мучая других. Они садисты. В Голядкине же зафиксировано раздвоение личности. То же мы можем констатировать и в герое Зиновьевой-Аннибал. Содеяно заставляет его и радоваться, и ужасаться! Именно допустимость насилия приводит героя рассказа к безумию.

Герой рассказа «За решётку» «дублирует» Раскольникова. Перед нами опять террорист-революционер, но уже попавший в тюрьму за свое преступление и ожидающий казни. Однако реальным наказанием для него становится расщепление сознания, разрушение личности. «Я убил. Меня убьют. Да, конечно, конечно. Но это ничего. Совершенно ничего, потому что не в этом дело, а в свободе. <...> Это одно и то же для меня: убив, я умер и воскрес новым, и вот таким... свободным. Сейчас всё разъясню ... Свободен я потому, что, во-первых, я ничего не чувствую, даже голода. И когда били – не чувствовал, и даже приятно было, что голову насквозь сверлом сверлило, и без мыслей... и смерти не боюсь, потому что я же сам другого убил. Этого никто не поймет, кроме меня, какое тут упоение – умереть убившему» [\[9, С.180\]](#). Точно сформулировал это состояние Эткинд: «В центре внимания Достоевского – “внутренний человек”. Даже в “Преступлении и наказании”, где идет речь об убийстве и следствии, главное – не события, не поединок преступника со следователем, а борьба сил в душе героя» [\[13, С. 217\]](#). И у заключенного в рассказе Зиновьевой-Аннибал происходит разрыв с миром людей: теперь он отделен от них и тюремной решеткой, и тем, что он «убийца». Как видим, писательница для рассказа выбрала название, имеющее символический и метафорический характер.

В маниакальном, сбивчивом монологе героя ощущается растерянность. Ему необходимо доказывать другим правильность своих идей потому, что он сам не уверен в их абсолютной правильности. Он как бы слышит внутренний голос, который обвиняет его, и хочет его опровергнуть. В его памяти всплывают носители других взглядов. И в первую очередь его подруга: «Ты говорила, Маша: “великая Божья любовь, как колокол на башне, зовет сердца. И просветятся все. Тогда и строить будет нечего (всякое же строительство на крови строителствуует, это мы с тобой и там ещё, за решеткой, давно поняли и постановили), строить будет уже нечего: все уже на месте, и всё Божие. Однако волею колокола все Божие...” Ты тогда смеялась, ласкаясь ко мне. Но любовь бесплотна, не вмещается в костяную, грудную тюрьму человека. И во мне уже она зрела, моя ненависть. Местью зрела. И вот накалилась местью и стала жадная, ненасытная, огромная как гора, как гора огромная в маленькой человеческой груди, или как вулкан, или как рысь. Как рысь упала с ветки на жертву, намеченную...» [\[9, С. 181, 182\]](#). Этот диалог между героем и Машей похож на диалог между Раскольниковым и Соней, потому что «в основе их один и тот же конфликт — между верой и неверием, между христианской любовью и призрачной “свободой” горделивого сверхчеловеческого отъединения от мира и его нравственных законов. Связывая идеал свободного человека не с любовью, не с внутренним духовным просветлением человека, не с развитием и

преобразованием его доброй воли, но с ненавистью, с бунтом против Творца, с местью за то, что "мир не приятен сердцу человеческому", герой Л. Д. Зиновьевой-Аннибал очевидно противопоставляет свою "идею" христианской вере» [14, С. 116]. Насколько мысль об объединении людей под властью Великого колокола христианской общности была важна для Зиновьевой-Аннибал, свидетельствует то, что в конце жизни она работала над драмой под этим названием [1].

Делая своего героя человеком, обеспокоенным мировым устройством, Зиновьева-Аннибал опиралась, конечно, на образ Раскольников, чьей главной целью является не улучшение собственного положения или положения матери, сестры и других несчастных, а стремление изменить существующий общественный строй. Он мечтает создать новую форму человеческого общежития, но при этом мнит себя сверхчеловеком, устраивает себе проверку, может ли он сравняться с великими мира сего... И другие герои Достоевского размышляют «о необходимости коренного перелома в социальных и нравственных судьбах человечества, об исчерпанности его прежних исторических путей, о необходимости утверждения новых социальных и нравственных норм» [2, С. 20]. Но нравственность как раз и страдает там, где возникает призыв к насилию. Вот и герои революций тоже хотят изменить мир, преступая через кровь, хотят быть «делателями» истории. Они идут при этом разными путями: Опалин в повести «Лондон» ищет вдохновения в восточной философии, героиня рассказа «Кошка», имеющего многозначительный подзаголовок «Письмо о неблагополучии мироздания», отказывается от революционных преобразований и жертвует свое имущество нуждающимся. Вера героини в построение нового человеческого общества не зажигает ее сердце революционным огнем. Она понимает ложность социалистических убеждений, грозящих утратой индивидуальности, и то, что невозможно никакими идеологическими подходами решить нравственные проблемы, спасти других от одиночества и страданий. «В лице страдающего сплином скульптора-англичанина» Зиновьева-Аннибал, по словам Вяч. Иванова, изобразила «болезненно-пессимистический уклон правого отрицания к мечте о всемирном расплаве и окаменении» [16, С. 6]. Рассказ «Электричество» рисует как бы молекулярную работу вселенского сочувствия в душе, не приемлющей самостной отчужденности и непроницаемости душ и вещей. Напомним, что Иванов не принимал внерелигиозного характера революции, ибо для него коллективное сознание народа пронизано религиозностью. И это убеждение разделяла с ним его жена. А о восприятии ею идей Достоевского он высказался абсолютно категорично: «раскрывать идейное содержание» рассказов Л.Д.Зиновьевой-Аннибал «соотечественникам, воспитавшимся на Достоевском, — излишний труд и напрасный», потому что «свои мысли автор сам до конца договаривает с лирической непосредственностью и являет наглядными в изображениях душевной жизни с пронзительною жизненною убедительностью» [16, С. 7].

Библиография

1. Иванов Вяч. Достоевский: трагедия – миф – мистика. // Соб. соч.: в 4 т. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 483–588.
2. Фридлиндер Г. В борьбе идей. Достоевский и современная литература // Достоевский и мировая литература. Л., 1985. С. 9–91.
3. Иванов Вяч. Новые маски // Соб. соч.: в 4 т. Т. 2. Брюссель, 1974. 852 с.
4. Фридлиндер Г. Ф. М. Достоевский и его наследие // Достоевский Ф. М. Соб. соч.: в 15 т. Т. 1. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. С. 5–30.
5. Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Соб. соч.: в 30 т. Т. 5. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. С. 99–179.

6. Достоевский Ф. М. Бедные люди // Соб. соч.: в 30 т. Т. 1. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972. С. 13–108.
7. Харитонов Е. В. Феномен детства в прозе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Диссертация ... кандидата филологических наук. Волгоград, 2012. 201 с.
8. Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Л. Д., переписка: 1894–1903. Т. 2. М., 2009. 568 с.
9. Зиновьева-Аннибал Л. Д. Тридцать три урода: роман, рассказы, эссе, пьесы. М., 1999. 495 с.
10. Эпштейн М. Юкина Е. Образы детства // Новый мир 1979. № 12. С. 242–257.
11. Михайлова М. В. Лица и маски русской женской культуры Серебряного века // Гендерные исследования: Феминистская методология в социальных науках. Харьков, 1998. С. 117–132. URL: http://az.lib.ru/p/petrowskaja_n_i/text_0030.shtml?ysclid=lcqs63kcy1470918874 (дата обращения: 10.11.2024).
12. Михайлова М. В. Страсти по Лидии // Зиновьева-Аннибал Л. Д. Тридцать три урода: роман, рассказы, эссе, пьесы. М., 1999. С. 5–24.
13. Эткинд Е. Г. Под микроскопом романа («Преступление и наказание») // «Внутренний человек» и внешняя речь. М., 1998. 448 с.
14. Баркер Е. Н. Дионисийский символ Серебряного века: творчество Л. Д. Зиновьевой-Аннибал: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 238 с.
15. Зиновьева-Аннибал. Л. Д. Драма «Великий Колокол» / предисл. А. Б. Шишкина, подгот. текста Н. А. Яковлевой и А. Б. Шишкина // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е. А. Тахо Годи, А. Б. Шишкин. М., Водолей, 2024. С. 531–571.
16. Иванов Вяч. Предисловие к сборнику «Нет!» // Зиновьева-Аннибал Л. Д. Нет! СПб., 1918. 110 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена осмыслению творческого наследия Ф. М. Достоевского в произведениях Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Актуальность работы определяется интересом исследователей как к творчеству Ф. М. Достоевского, которое, с одной стороны, «питалось русской и зарубежной литературой его предшественников и современников», с другой стороны, «оказало и продолжает оказывать огромное влияние на всю последующую литературу», так и к творческому наследию Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал, одной из наиболее ярких и самобытных фигур в русской литературе 19–20 вв.: «как и большинство авторов и читателей, она находилась под явным влиянием философских и нравственных идей Достоевского и его предшественников в период идейных и духовных потрясений в обществе», но в то же время «она и ее муж Вяч. Иванов суммировали свои индивидуальные творческие и эстетические поиски в совместном жизненном порыве и творчестве».

Теоретической основой научной работы послужили труды таких российских исследователей, как Г. Фридлиндер, Е. В. Харитонов, М. Эпштейн, Е. Юкина, М. В. Михайлова, Е. Г. Эткинд, Е. Н. Баркер. и др., охватывающие широкий круг вопросов по творчеству Ф. М. Достоевского и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Библиография насчитывает 16 источников, в том числе 8 литературных, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. К сожалению, автор(ы) совершенно не апеллируют к актуальным научным работам,

изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Методология исследования продиктована комплексным подходом к изучаемому материалу: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-исторический методы, интерпретативный анализ материала, историко-функциональный и биографический методы, методы контент- и дискурс-анализа.

В ходе проведенного анализа теоретического материала и его практического обоснования автор(ы) раскрывают ключевые принципы поэтики Достоевского (акцент на «внутреннем человеке» и использование психологических форм описания), которые составляют важную основу для творчества Зиновьевой-Аннибал в изображении внутреннего мира ее героев: «Конечно, образы несчастных детей многочисленны в литературе XIX века, но именно «комплекс» идей Достоевского был важен для Зиновьевой-Аннибал», «Делая своего героя человеком, обеспокоенным мировым устройством, Зиновьева-Аннибал опиралась, конечно, на образ Раскольникова, чьей главной целью является не улучшение собственного положения или положения матери, сестры и других несчастных, а стремление изменить существующий общественный строй», «ближе всего к идеям Достоевского у Зиновьевой-Аннибал были мысли о «той последней, невообразимой свободе духа, к которой всегда будет устремлен человек, и о том «великом хаосе свободы», в который ввергается мир, лишенный божеских установлений, и человек, не совладавший с волей и не справившийся со свободой выбора».

Результаты, полученные в ходе работы, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в изучение творчества Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, а также могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы, стилистике художественной речи, по проблемам русской прозы конца XIX - начала XX века и др.

Содержание работы соответствует названию. Стиль изложения материала отвечает требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».